

Audi A8L плавно въехал на эксклюзивное парковочное место в пентхаусе, двигатель заглох, и мир мгновенно погрузился в абсолютную тишину, созданную качественными звукоизоляционными материалами. Шэнь Цинцы не стал сразу выходить из машины. Он откинулся на мягкое кожаное сиденье, кончиками пальцев машинально постукивая по рулю, а уголки его губ тронула едва уловимая усмешка.

Вспоминая ужин в старом особняке, он думал о том, что это было похоже на тщательно отрепетированный спектакль. Родители по-прежнему оставались режиссерами и продюсерами, контролирующими всё вокруг, а он — исполнителем главной мужской роли, чье мастерство с каждым днем становилось всё совершеннее, хотя сам он начал исподтишка менять текст своей роли. Тон матери, когда она упомянула дочь семьи Ли, казался небрежным, но на самом деле не терпел возражений. Теперь, вспоминая это, он не чувствовал привычного давления, лишь абсурдную комичность ситуации.

Он отстегнул ремень безопасности и грациозным движением толкнул дверцу. Войдя в лифт, он увидел в зеркальных стенках свое отражение: прямой, как стрела, в безупречном деловом костюме, он выглядел как идеальный Наследник семьи Шэнь. Однако лишь он сам знал, какой шокирующий секрет скрывается под этой боевой броней, символизирующей власть и порядок.

Открыв дверь квартиры, он ощутил, как его окутывает теплый, интимный воздух — полная противоположность той пустоте и тяжести истории, что царила в особняке. Это было его королевство, его запретная зона и единственный клочок земли, где его душа могла позволить себе отдышаться.

Он не стал, как обычно, заниматься делами или переодеваться в домашнее, а сразу прошел в тайную комнату, хранящую другой мир. Когда он толкнул тяжелую дубовую дверь, тонкий аромат, наполнявший воздух, заставил его непроизвольно расслабиться.

Он встал перед огромным зеркалом в полный рост и, не торопясь снимать пиджак, с некоторой долей иронии разглядывал холодный, суровый облик мужчины в зеркале.

— Шэнь Цинцы, ну и Шэнь Цинцы, — прошептал он самому себе, и в его тоне слышалась густая самоирония. — Днем ты принц корпорации, который строит стратегии и внушает ужас конкурентам, а ночью...

Он тихо рассмеялся и покачал головой, словно оценивая какой-то странный и безумно интересный парадокс, не имеющий к нему самому прямого отношения.

Он начал неспешно снимать с себя маску. Длинные пальцы ловко развязали галстук, вытянули его, словно сбрасывая невидимые оковы. Затем пиджак, а за ним и пуговицы на накрахмаленной сорочке — одна за другой, открывая взору... края изысканного женского белья.

Когда последняя деталь мужского гардероба была сброшена, в зеркале отразилось тело, облаченное в мягкое кружево и гладкий шелк. Черный цельный корсет изящно подчеркивал

плавные линии талии, а его нижняя часть придавала его фигуре нейтральный, почти женственный контур. Полупрозрачные колготки плотно облегли длинные ноги, отливая тонким блеском в свете ламп.

Он смотрел на свое отражение — на Цинцин, полную противоположность Шэнь Цинцы. В нем не было ни капли беспокойства или тревоги, напротив, он чувствовал себя как рыба в воде и... испытывал искреннее восхищение.

— Брак с семьей Ли? — он вспомнил предложение матери и снова не удержался от смешка, в котором теперь отчетливо сквозило издевательство. Он слегка развернулся, любуясь линией спины, которую подчеркивал корсет. — Интересно, какое выражение лица будет у этой мисс Ли, если она узнает, что ее будущий муж в брачную ночь снимет одежду, а под ней — вот такое зрелище?

Эта фантазия не вызвала у него стыда, напротив, подарила какое-то бунтарское, почти озорное удовольствие. Его даже потянуло на глупые гадания: вдруг она закричит от испуга? Или застынет в полном недоумении? А может, есть крошечный шанс... что ей это покажется необычным и забавным?

— А если у нее специфический вкус и ей нравятся такие, как я? — он подмигнул зеркалу с лукавым блеском в глазах. — Не сорвал ли я тогда джекпот? Днем помогаю зарабатывать деньги ее семье, а по вечерам могу быть ее лучшей подружкой, вместе выбирая оттенки губной помады и лимитированные модели сумок?

Эта нелепая мысль рассмешила его до глубины души. Ему нравилось это духовное самовыражение, нравилось в абсолютной безопасности высмеивать ту судьбу, что давила на него и не давала дышать.

Он подошел к вешалке, кончиками пальцев провел по ряду роскошных платьев и в итоге выбрал темно-зеленую шелковую комбинацию. Гладкая ткань, словно вода, легла на кожу, принося ни с чем не сравнимый комфорт. Он слегка повернулся, любуясь тем, как красиво развевается подол платья.

— По правде говоря, если подумать, быть красивым мальчиком тоже неплохо, — он сел перед туалетным столиком и начал терпеливо смывать легкий слой тона, который придавал его лицу жесткости. — По крайней мере, с таким лицом в женской одежде я выгляжу вполне достойно, не пропадать же ресурсам зря.

Глядя, как в зеркале проявляется его настоящее, более мягкое лицо, он осознал простую истину: ему нравилось носить женскую одежду не только ради сенсорных ощущений от тканей и макияжа, но и потому, что в этом состоянии та часть его души, что была тонкой, чувствительной и тянулась к прекрасному, наконец могла раскрыться. Эта частица его истинного «я» слишком долго была подавлена под жесткой оболочкой Шэнь Цинцы.

А неожиданные похвалы в сети лишь подслащивали этот опыт. Оказывается, то, что он

тщательно скрывал как отклонение, в глазах незнакомцев могло называться красотой, называться талантом. Это было словно подарок из пустоты, безмолвно подтверждающий другую возможность его существования.

— Наследование корпорации — это ответственность, брак — это обязанность, я всё понимаю и всё исполню, — прошептал он Цинцин в зеркале, его тон был спокойным, почти снисходительным. — Но кроме этого, мне ведь нужно оставить хоть немного места, чтобы дышать? Украдкой надеть платье, поиграть на пианино, полюбоваться собой в одиночестве — это ведь не слишком много, правда? Само это скрытое поведение становилось его крошечным, но действенным актом сопротивления обширной судьбе. Он вовсе не собирался разрушать всё до основания; он просто хотел пробить для себя окно в глухой стене реальности, чтобы хоть немного свежего воздуха проникало внутрь.

Он поднялся, подошел к винному шкафу и налил себе немного янтарного виски. Он не стал пить залпом, как обычно, а слегка покачал бокал, наблюдая, как медленно тают кубики льда.

— Что же касается дочери семьи Ли... — он сделал глоток, наслаждаясь терпким вкусом, скользнувшим по горлу. — Если брак — это спектакль, в котором я обязан играть, то я стану идеальным актером. Я буду мужем, который уважает супругу и обеспечивает ей безбедную жизнь. Но при условии, что она не посмеет коснуться этого уголка моей души.

Он подумал, что, возможно, идеальное состояние — это поддержание видимости брака при раздельной частной жизни. Он будет добросовестно выполнять свой долг, но настоящие радость и печаль — душа по имени Цинцин — навсегда останутся только его, этой тайной комнаты и тех пустых восторженных слов по ту сторону экрана.

Эта мысль была пропитана эгоистичным спокойствием. Но для него это был самый приемлемый способ выживания среди кандалов.

Он допил вино, чувствуя, как тепло разливается по телу. Он подошел к фортепиано, откинул крышку и прикоснулся пальцами к черно-белым клавишам. На этот раз он не записывал видео, а просто играл, отдаваясь порыву, и звуки музыки становились его диалогом с самим собой.

В зеркале отражался силуэт в темно-зеленом бархатном платье, грациозный и погруженный в музыку. Шэнь Цинцы смотрел на Цинцин; в его глазах не было растерянности или боли, лишь покой, легкая самоирония и ясное наслаждение моментом.

Он знал, что впереди ждут трудности, знал, что этот секрет подобен танцу на краю пропасти. Но сейчас он решил насладиться этим украденным временем, насладиться каждой секундой пребывания наедине с самим собой. Внешний мир принадлежал Шэнь Цинцы, но здесь, прямо сейчас, была территория Цинцин.

Этого было достаточно.

<http://bllate.org/book/20970/2128511>